

К 250-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИММАНУИЛА КАНТА

ВЗГЛЯД С КВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

22 апреля этого года исполняется 250 лет со дня рождения Иммануила Канта. Рецензируемая книга* приурочена к юбилею. Вместе с тем она не просто дань дате. В. Асмус, известный знаток философии Канта, не только знакомит читателя с содержанием кантовского учения, но дает глубокий критический его разбор, умело оттеняя все ценное, все живое, что сохраняет свое значение сегодня, полемически выступая против попыток извратить подлинный смысл идей родоначальника немецкой классической философии.

Своеобразна композиция книги. Первая глава сразу вводит в курс дела: она содержит предельно сжатый очерк всей философии Канта, характеристику основных его произведений, дает о них общее представление. Ее основное назначение — подготовить читателя к углубленному рассмотрению коренных теоретических проблем, составляющих содержание последующих глав.

Автор не стремится охватить материал во всей его полноте, перед ним другая

задача: идти не вширь, а вглубь, выделить главное и сосредоточиться на нем. Так из раннего, так называемого «докритического» периода творчества Канта взята одна, но, безусловно, магистральная проблема — космогония. Ей посвящена вторая глава книги. Опираясь на теорию Ньютона о всемирном тяготении, Кант выдвинул гипотезу о естественном возникновении солнечной системы. Ему принадлежит гордый афоризм: «Дайте мне только материю, и я построю вам из нее целый мир». Энгельс высоко оценивал космогонические идеи Канта, называя их «величайшим завоеванием астрономии со времен Коперника», первой брешью, пробитой в метафизическом способе мышления.

Еще более обширную брешь в метафизическом мышлении «пробила» теория познания Канта. Но здесь определеннее всего сказались и ограниченность его позиции. В трех центральных главах книги разобраны основные положения «Критики чистого разума» — главного труда философа, который выступил в роли реформатора логики. «Трансцендентальная» логика Канта,

исследующая генезис знания, — первый шаг на пути создания логики диалектической. Другая важная заслуга Канта в этой области — открытие неизбежности противоречий в познании, которое стремится проникнуть в сущность вещей. Но Кант не решился приписать эти противоречия объективной действительности, он полагал, что они лишь свидетельство ограниченности наших познавательных возможностей. Отсюда и пресловутое деление мира на «явления», с которыми имеет дело наука, и недоступные ей «вещи сами по себе» — опасная тенденция агностицизма.

С Канта, подчеркивает В. Асмус, ведет начало течение диалектического идеализма, представленное великими именами не только Канта, но и Фихте, Шеллинга, Гегеля, послужившее одним из теоретических источников марксистской философии. Но учение Канта имеет не только подготовительное значение как определенная веха на пути прогресса философского знания. У него есть прямые, непосредственные «выходы» в современность. Таковы, например, этические идеи Канта.

Одна из важнейших в кругу этих идей — идея безу-

словного достоинства каждой человеческой личности. Знаменитый «категорический императив» Канта выдвигал требование: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». В условиях угнетения и попрания личности абсолютистским режимом, подчеркивает В. Асмус, тезис Канта о личности как самоцели звучал призывом к ее освобождению. Семена, брошенные в сознание Канта демократическим индивидуализмом Руссо, выросли в одно из важнейших этических учений. Недаром Маркс называл учение Канта «немецкой теорией французской революции».

Представление о личности как самоцели неотделимо в этике Канта от идеи долга. Кант отстаивал дерзкую для своего времени мысль независимости морали от религии; не вера в бога, а долг перед самим собой и другими заставлял человека вести себя нравственно, подчеркивал он. В способности к выполнению долга проявляется свобода. Внешние обстоятельства (принуждение и соблазн) могут толкать человека на ошибочный путь, но

наличие «причинности через свободу» вносит коррективы в его поступки, заставляя забывать о мелком и личном во имя высшего блага человечества.

Идеалы французской революции нашли свое отражение и в правовом учении Канта, которое является неразрывной частью его этики. Конечной целью исторического развития, по Канту, является осуществление идеи права как во внутренних, так и во внешних делах государства. Последнее особенно важно: обгоняя свою эпоху, Кант выдвинул казавшийся несбыточным в его дни, но ставший реальной возможностью в наше время проект установления всеобщего мира между народами путем обязательного для всех договора.

Заканчивая разбор этики Канта, В. Асмус решительно выступает против попыток искажать ее со стороны буржуазных и социал-демократических авторов. «Кант Германа Когена и Кант Эдуарда Бернштейна, Кант Генриха Риккерт и Кант Гуго Мюнстерберга не был действительным историческим Кантом, поборником возвышенного учения о долге и автором теории «вечного мира». В неокантианских учениях о

«ценности», в апологетике поглощения личности сверхличным государством не найти гуманистического воззрения Канта о непререкаемом достоинстве и ценности каждой человеческой личности. Неокантианские последователи и пропагандисты Канта были не только его эпигонами. Они были, кроме того, извратителями мысли Канта, — пишет В. Асмус.

Это в равной мере относится и к эстетике Канта, которой посвящена последняя — самая обширная — глава книги. Здесь автор обращает внимание на то, что усилиями буржуазных эстетиков и искусствоведов (Гербарта, Ганслика, Вельфлина и др.) широкое хождение получил взгляд, будто кантовская эстетика является обоснованием формализма в искусстве. На самом деле «в противоречивой системе эстетики Канта формализм — только звано изложение, только элемент этой системы, но не ее последнее, решающее слово». Формализмом отдают некоторые кантовские дефиниции прекрасного, но уже другие определения этой категории несут более широкое, содержательное начало. Красота для Канта — символ нравственно доброго, выра-

жение эстетических идей, игра познавательных сил.

Подобный подход к красоте открывает возможность соотношения ее с добром и истиной, нравственностью и познанием. И действительно, эстетика Канта выступает в роли своеобразного «моста» между гносеологией и этикой, миром природы и миром свободы. К этой стороне эстетики Канта восходит целый спектр жгучих проблем современности. Прежде всего идея эстетического воспитания, формирования всеобщего развитой личности. В эстетической сфере обнаруживаются импульсы деятельности — практической и теоретической; нравственное поведение и творческие способности глубинными связями опосредованы художественной культурой человека.

Спорным в книге является тезис о слабом личном художественном опыте Канта. Некоторые авторы вообще отказывают ему в понимании искусства. В. Асмус осторожен в оценках. И все же он считает «общезвестной и установленной» некомпетентность Канта в музыке и поэзии. «Кант как художественный критик не существует. Но Кант-эстетик — классическое явление...». К этому можно, однако, добавить, что,

кроме художественной критики и эстетических построений, существует еще одна возможность приобщения философа к художественному опыту — литературное мастерство. При общей тяжеловесности и сухости слог Канта поднимался подчас до блестящих образцов, ярких пассажей, метких афоризмов, тонкой иронии, что говорило в пользу его высокой художественной культуры. В какой мере была она связана с существом его философии? Кант-стилист — тема, ждущая исследователя.

Есть и другие проблемы, перспективу изучения которых намечает книга В. Асмуса. Упомянем только одну, на наш взгляд, наиболее животрепещущую. Речь идет о жизнеописании философа. Кант — редкий пример совпадения принципов и поведения, реализации в собственной жизни своих мировоззренческих установок. Воспитательное значение знакомства с его биографией трудно переоценить.

К юбилею великого мыслителя готовится широкая общественность нашей страны. В Калининграде университет создает небольшой мемориальный музей. Среди других будет в нем и раздел, посвященный советскому кантоведению. Книге В. Асмуса уготовано здесь достойное место.

Арсений ГУЛЫГА,
профессор.

* В. Ф. Асмус. «Иммануил Кант». Москва, Изд-во «Наука», 1973.